

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

Чернова Мария Станиславовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются библейские цитаты и сюжеты, интегрированные в художественное повествование древнерусского «Сказания, и страсть, и похвала, святую мученику Бориса и Глеба». Анализируется роль библейских реминисценций для обоснования нравственного подвига князей-страстотерпцев. Доказывается, что библейские цитаты в «Сказании...» являлись способом определения религиозно-этической сущности изображаемых явлений.

Поиск прямых и опосредованных связей русской литературы с библейским текстом, в которых происходит столкновение и соположение знаний о социокультурных контекстах и обстоятельствах описываемых в текстах ситуаций [1, с. 12], становится одним из важнейших направлений современного литературоведения.

Особый интерес исследователей вызывают фрагменты библейского текста, интегрированные в художественные произведения. Являясь для них чужим дискурсом, эти тексты «порождают новые смыслы, реализованные в метафоре» [2, с. 210]. Библейские сюжеты, образы и мифологемы открывают аксиологический смысл художественных произведений и определяют как конкретно-историческое, так и национально-культурное их значение.

Библейский текст представляет собой художественно-семантическое поле, которое делает памятники литературы Древней Руси доступными для нашего понимания. Метафора, порождаемая библейским текстом, – это и есть общий язык для древнерусской и современной культур.

Начиная с «Повести временных лет» (1113) русская история была вписана в библейскую мифологию. Вслед за этим все ранние произведения древнерусской литературы продолжали соотносить начальную историю христианской Руси с сакральной историей человечества, что обуславливало нравственно-этическую оценку отражаемых конкретно-исторических событий и придание им вневременного и общечеловеческого смысла.

Особый интерес в этой связи представляет «Съказание, и страсть, и похвала, святую мученику Бориса и Глеба» (вторая половина XI в.). Это одно из древнейших агиографических произведений так называемого Борисо-Глебского цикла о князьях, убитых в династической борьбе по приказу их старшего брата Святополка Владимировича.

Основу содержания произведения составляет исторический эпизод, зафиксированный в летописном рассказе «Повести временных лет», датированном 1015 г. При этом древнерусский автор «Сказания...» обнаружил параллель между национально-историческим событием и библейским сюжетом о Каине и Авеле.

Сама ситуация братоубийства порождала реминисценцию ветхозаветного мифа: в основании христианской истории Руси оказывался братоубийственный грех, а образы князей-страстотерпцев восходили к библейскому Авелю, получая в русской истории то же значение, которое в мировой истории имела его искупительная гибель.

Следует подчеркнуть, что древнерусский автор не просто указывал на схожесть сюжетных ситуаций. С помощью характерного для философичной литературы Киевской Руси метода «по подобию» он подробно и в разных отношениях разъяснял смысл и значение мученического подвига Бориса и Глеба для Святой Руси.

Из текста «Сказания...» следует, что Борис с того момента, как получил известие о смерти своего отца, князя Владимира, понимал, что ему придется либо оказать сопротивление старшему брату, либо погибнуть от его руки. Подобно Христу, который знал о возложенной на него искупительной миссии, князь смиренно выбирает второе, определяя тем самым христианский смысл своей жертвы: «Азь бо не противлюся, зане пишеть ся: Господь гордымъ противить ся, съмеренымъ же даеть благодать. <...> И паки: Боязни въ любви несть, съвершаная любы вънь измещеть страхъ» [3, с. 288].

В ночь перед убийством Борис молится об укреплении духа, «плачет» о своей обреченности от страха перед неминуемым страданием и неуверенности в своей «крепости». Последний день перед смертью Борис, покинутый всеми, проводит «в тузе и печали», «удрученомъ сердцемъ».

По житийному обычаю так не должен вести себя христианский подвижник. Однако противоречие снимается, потому что ночное уединенное моление Бориса соотносено с молением Христа о Чаше.

Если житийный канон в «Сказании...» нарушается слезами и сомнениями Бориса, то суть христианского подвига раскрывается глубоко. В слезах Бориса автор рисует мучительную трудность отрыва от жизни, горечь прощания с этим «прелестным светом», которую испытывал даже сам Христос.

После первых ударов убийц Борис находит в себе силы «в оторопи» выйти из шатра и умолять дать ему время для последней молитвы, в которой просит о спасении душ своих убийц: «И не поставь им, Господи, греха сего». Борис словно бы повторяет сказанные на кресте слова Христа: «Прости им, Господи, ибо они не ведают, что творят». Тело умершего Христа пронзили копьем; и тело Бориса убийцы тоже пронзают копьями.

Святополка агиограф сравнивает с Каином: «Видевъ же диавольъ, искони ненавидяи добра чловека, яко вьсо надежу свою на Господа положилъ есть святой Борисъ, начать подвижьней бывати, и обреть яко же прежде Каина на братоубийство горяща, тако же и Святополька, поистине вьторааго Каина, улови мысль его, яко да избить вся наследьники отца своего, а самъ примить единъ вьсо власть» [3, с. 292].

Святополк не случайно получил прозвище «Окаянный», т.е. имеющий «печать Каина». Будущий братоубийца, подобно Каину, появившемуся на свет после грехопадения его родителей Адама и Евы, рождается с грузом грехов своих «двух отцов» Ярополка и Владимира. Ярополк – убийца своего брата Олега Древлянского, а Владимир – самого Ярополка. Представляя тот же княжеский род, отягощенный цепью грехов, Борис и Глеб, подобно первому мученику Авелю, искупают их своим подвигом.

Только к концу «Сказания...» возникает образ Авеля. Обращаясь к Богу перед решающей битвой на Альте, Ярослав ссылается на него как на заступника и помощника в праведном мщении: «Се кровь брата моего въпить къ Тебе, Владыко, яко же Авелева преже, и Ты мсти его, яко же и на ономъ положи стонание и трясение братоубийци Каине, ею молю Тя, Господи, да въсприиметь противу тому» [3, с. 304, 306].

Как известно, Святополк Окаянный был вынужден спастись бегством. По преданию, он, подобно Каину, скитался в чужих краях, пока не нашел могилу на границе Чехии и Польши. На самом деле, никто не знает, где окончил свои дни Святополк. Но автор «Сказания...» специально подчеркивает, что на Святой Руси братоубийца погребен быть не может.

Таким образом, евангельские реминисценции, порождающие параллель между добровольной гибелью Бориса и Глеба и мученической смертью Христа, выполняют в «Сказании...» этико-идеологическую задачу: они помогают обосновывать идею автора об искупительной жертве, с которой началась новая для Руси христианская история.

Литература

1. Шевченко, В. Д. Введение в теорию интерференции дискурсов / В. Д. Шевченко. – Самара : Изд-во СамГУПС, 2008. – 194 с.
2. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман – Санкт-Петербург : Искусство СПб., 2004. – 704 с.
3. Святые князья-мученики Борис и Глеб / исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. – Санкт-Петербург : Изд-во О. Абышко, 2006 – 432 с.